№ 53 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ 1957 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

33-й год издания

КОММУНИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Даже школьнику в настоящее время известно, что между коммунизмом и демократией идет напряженная холодная война. Однако, мало кто задумывается над тем, что же такое коммунизм и что такое демократия, и почему они враждуют. В любом словаре можно прочесть, что коммунизм — это такой социальный порядок, где нет частной собственности, где природные богатства, средства производства и предметы, необходимые для жизни человека, принадлежат не частным лицам, а всему обществу. В том же словаре сказано, что демократия — это такой строй, где государственными делами управляет сам народ.

Так значится на бумаге, но в действительности же нигде нет ни подлинной демократии, ни подлинного коммунизма. Правда, в СССР нет частной собственности. Правда и то, что в демократических странах каждый человек, отвечающий известной квалификации, пользуется правом голоса. Но все это еще не коммунизм и не демократия.

Коммунизм отрицает частную собственность лишь в смысле произвольного распоряжения ею (собственностью), ведущего к сосредоточению несметных богатств в руках немногих лиц, но не отрицает её (собственность) в смысле *пользования* вещами, необходимыми в жизни. Всем известно, что человеку для поддержания своего существования прежде всего необходимы: пища, одежда и жилище. Поэтому никто не имеет права вырвать из рук человека тот кусок хлеба, которым он утоляет свой голод; никто не имеет права снять ту рубашку, которой человек прикрывает свою наготу; никто не имеет права выгнать человека на улицу из занимаемой им квартиры. У большевиков такой гарантии нет. Там в любой момент могут лишить человека всего — и жилища, и необходимых вещей и даже самой жизни.

В подлинном коммунистическом обществе все необходимые предметы человек получает бесплатно; у большевиков же за все нужно платить. Не будет большим преувеличением, если сказать, что созданный большевиками порядок ближе к капитализму, чем к коммунизму. Фактически это и есть капитализм, с той лишь разницей, что место частного хозяина занято государством. Но если принять во внимание, что государство — понятие отвлеченное, что на практике оно представляется отдельными личностями, входящими в состав государственного аппарата, — то и эта разница окажется весьма и весьма ничтожной. В конце концов все предрешается волей отдельных лиц, и население зависит от милости того или иного самодура.

Хрущев фактически не уступает любому миллионеру, ибо в его распоряжении находится огромнейшая страна, с ее колоссальнейшими богатствами и многомиллионным населением. Ни Форд, ни Морган, ни другой миллионер не могут сравняться с Хрущевым, ибо в их руках нет такой власти, какая имеется у Хрущева, несмотря на то, что формально он никакой государственной должности не занимает (впрочем Форд или Морган тоже не занимают государственных должностей). Вот почему большевиков можно называть капиталистами, а не коммунистами. Они владеют всем, что есть в стране. Они даже сверхкапиталисты, ибо в их руках всё — хозяйственная, политическая и все другие стороны жизни.

Если в большевистской системе преобладают элементы капитализма, то в демократических странах не трудно обнаружить элементы, если не тоталитаризма, то партийной гегемонии. Все определяется партией, и то, что называется национальной политикой, носит партийный отпечаток.

Между партией большевиков и партиями демократических стран разница, конечно, есть: у большевиков только одна партия и запускает она свои щупальцы во все поры общественной жизни; в демократических же странах несколько партий и свою деятельность они ограничивают политической сферой, не касаясь хозяйственной стороны. Есть, конечно, и другие особенности, но из этого никак нельзя заключить, что страной правит население.

А выборы? Да, выборы есть, но как это ни странно, выборы есть и у большевиков. Там тоже каждый человек имеет право (даже вынужден) подойти к урне и подать свой голос. Подачей своего голоса гражданин СССР как бы *подтверждает* выставленных партией кандидатов, а гражданин демократических стран подачей своего голоса **выбирает** одного из нескольких выставленных партиями кандидатов. Но к назначению кандидатов население, ни в СССР, ни в демократических странах, почти никакого отношения не имеет. Даже "праймерис" (предварительные выборы) могут иногда сыграть решающую роль лишь тогда, когда речь идет о второстепенной или третьестепенной должности. На первостепенные должности всегда избираются ставленники партии. Даже такой популярный человек, как Теодор Рузвельт, не мог в 1912 г. попасть в Белый Дом — и только потому, что его не поддержал партийный аппарат. К известной легенде... "каждый может быть президентом" следует добавить: "если его кандидатура выставлена партией." Без содействия партии мечта о Белом Доме — журавль в небе. Одним словом, вожжи, посредством которых регулируется и направляется национальная политика, находятся в руках партии, а не в руках населения. Правда, население может писать письма своим представителям с требованием изменения того или иного закона или же проведения того или иного постановления. Но письма эти не имеют никакого значения. Законодатели прислушиваются лишь к тем, у кого туго набитый кошелек. Пресловутое "лабби," действительно, играет большую роль в проведении законов, но представляет и защищает "лабби" интересы не широких слоев населения, а крупных предпринимателей.

Все власти, независимо от того, как они себя называют, нуждаются в фиговых листьях для прикрытия своей наготы. Ни одна власть не осмелится выступить в своем естественном довольно не привлекательном виде. В прежние времена власть старательно прикрывалась авторитетом Бога (почему и пошло изречение: "всякая власть — от Бога"), но когда авторитет Бога заметно начал блекнуть, власть все чаще и чаще начала прятаться за светские ширмы. И большевики и их противники одинаково жонглируют такими словами, как "свобода," "правда," "справедливость" и т. д. Обе стороны неизменно выступают в роли защитников свободы или же за восстановление попранных прав. Кроме того, большевики старательно козыряют специфически "своими" приманками: защита интересов трудящихся, рабоче-крестьянская власть, диктатура пролетариата и т.д. Их противники, в свою очередь, козыряют такими понятиями, как равенство пред законом, личная инициатива, свобода совести, печати, собраний и т. д. Одним словом, выставляется все хорошее, красивое и возвышенное.

Большевикам тут особенно повезло. Не только они сами, но и их противники называют их коммунистами, при том называют с такой убедительностью, словно в России осуществлен подлинный коммунизм. (Большевикам остается лишь благодарить своих противников за это). Доходит до того, что коммунизм противоставляют свободе. "Мир разделен на два лагеря — твер-

дят противники большевиков — коммунистической и свободный." Это — полнейший абсурд. Свобода без коммунизма невозможна, как и коммунизм без свободы. Если в СССР нет свободы (в чем противники большевиков совершенно правы), то это как раз и свидетельствует, что там нет коммунизма. Рассуждая в обратном направлении, нетрудно доказать, что в тех странах, где нет коммунизма, нет и свободы. Сколько бы ни говорили о равенстве перед законом, об одинаковых гражданских правах, но если нет *одинаковой возможности удовлетворять свои насущные потребности,* то все эти разговоры — пустой звук. Сытый и голодный, как бы они ни равнялись перед законом, не могут быть равными. Настоящее равенство установится лишь тогда, когда все будут иметь *одинаковое право на пользование дарами природы.*

Стало быть, деление людей на свободных и коммунистов — явная нелепость. Социальное деление, как в СССР, так и в других странах, все еще происходит по старым давно известным признакам: по степени материальных богатств и по степени политического веса. В СССР преобладает последняя форма социальной диференциации, а в буржуазных странах — первая. В СССР не обязательно быть юридическим владельцем, скажем, лесов, полей, фабрик, заводов и т. д., — достаточно обладать политической властью, чтобы распоряжаться всеми богатствами страны. В буржуазных странах, наоборот, не обязательно входить в государственный аппарат, — достаточно владеть туго набитым кошельком, чтобы придавать национальной политике тот или иной оттенок.

Холодная война фактически происходит не между коммунизмом и демократией и не между двумя идеологиями, как это некоторые полагают, а между двумя группами лиц, пользующимися чрезвычайно большими привилегиями, а потому и относящимися друг к другу с недоверием. По воле рока большевики подошли к самым вратам мирового господарства; ничто и никто теперь им не мешает стать полными властелинами мира... Да, никто, за исключением американцев с их атомными бомбами. По воле того же рока американцы почили на лаврах победы, но их покою мешают большевики своими интригами и подвохами. Создалось два лагеря почти одинаковой силы и с одинаковыми возможностями, вследствие чего напряженное состояние лишь возрастает, ибо малейшая оплошность с одной стороны может ознаменоваться увеличением мощи противоположного лагеря. Русские крестьяне когда-то говорили, что чем богаче человек, чем лучше у него лошади, тем больше он боится волков и воров. Нечто подобное теперь переживают лица, занимающие командные посты в Москве и Вашингтоне.

И характерно, что обе стороны пускают в ход одно и то же средство — национализм. Большевикам путем разжигания национальных чувств удалось добиться некоторых результатов в Азии, но это же разжигание национальных чувств противоположной стороной явилось тем подводным камнем, на который уже наткнулся большевистский корабль. Как видно, национальные чувства везде действуют одинаково и являются самым надежным средством против колониализма. Пока у большевиков не было колоний, т. е. стран-сателлитов, национализм им ничем не грозил; но теперь грозит, особенно при искусном разжигании. В этом отношении США находятся в лучших условиях: у них меньше колоний. Большевики не могут так широко развернуть борьбу на национальной почве против американцев, как американцы против них.

Борьба при помощи национализма выявила — лучше, чем что бы то ни было — всю беспринципность конкурирующих сторон. И Тито, и Гомулка, и Надь, и другие главари национал-большевизма—такие же большевики, как и Хрущев, но тем не менее Вашингтон весьма благосклонно относится и к Тито, и к Гомулке, и к Надю и ко всем тем, кто поворачивается спиною к Кремлю. С другой стороны, в Египте, Сирии, Иемене и в других странах Среднего Востока и днем с фонарем не найти того, что называется большевизмом, но тем не менее большевики охотно помогают Сирии, Египту и другим арабским странам.

Как видно, для лиц, ставших дирижерами на международной арене, принципы никакой роли не играют. Все сводится к тому, чтобы насолить и досадить противнику. Все средства и приемы считаются дозволенными. Вчерашние враги сегодня становятся друзьями, а вчерашние друзья — врагами. На американских хлебах уже имеется не мало лиц, в прошлом работавших с Гитлером. Есть гитлеровцы и у большевиков.

Если бы эта беспринципная борьба не была связана с судьбами человечества, то на нее, пожалуй, не следовало бы обращать внимания. Увы, один безумный шаг в Москве или на берегах Потомака может привести к гибели, если не всего человечества, то значительной его части. Поэтому общественное внимание и приковано к дуэту Москва-Вашингтон.

Хуже всего то, что наука поставлена на службу государству. Ученые превращены в своеобразных солдат: прикажут убивать — нужно убивать. Это относится не только к СССР, где все в руках государства, но и к США, где все еще находится в руках частных лиц. Здесь тоже значительная часть ученых работает в правительственых лабораториях, и не над тем, чтобы осчастливить человечество, а чтобы создать наиболее разрушительную бомбу. В этом, пожалуй, самая страшная трагедия наших дней. Наука отделена от морали. Ученые не могут прислушиваться к голосу совести, ибо малейшее проявление гуманизма квалифицируется как измена, шантаж и предательство. Ученые должны делать то, чего от них требуют правительства. Требуют присяги, как от солдат, и от учителей, которые должны преподавать то, что прикажут. В детские головки, воображение которых, пожалуй, не выходит за пределы родного города, уже вдалбивается понятие, что они — будущие защитники демократии и враги коммунизма (в СССР начинка идет в обратном смысле). Но что такое коммунизм и что такое демократия — об этом ни слова.

Ложное толкование, что коммунизм и демократия — антиподы, таким образом, прививается человеку чуть ли не с самой колыбели. Вся госадурственная машина работает в том направлении, чтобы укреплять это ложное толкование. Пресса, церковь, театральные подмостки и, конечно, школа ежедневно трезвонят, что коммунизм — враг демократии. В сущности, коммунизм и демократия — синонимы. Демократия в политическом смысле такая же нелепость, как и диктатура пролетариата. Демократия станет возможной лишь тогда, когда осуществится вольный коммунизм, вернее — анархизм, когда все богатства будут принадлежать народу. Распоряжаясь своими богатствами, народ и проявит себя полным хозяином, т. е. в переводе на политический язык — демократом. Тогда, действительно, все судьбы народа будут находиться в его руках.

А.

Бакунин о Соед. Штатах Европы

Если мы в самом деле желаем мира между нациями, то мы должны желать международной справедливости. Каждый из нас должен возвыситься над узким, мелким патриотизмом, для которого своя страна— центр мира. Мы должны раз навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретенный в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления свободы. Национальность не принцип, это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собою, жить по своей собственной природе. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней. Программа наших комитетов приглашает нас обсудить основания организации Соединенных Штатов Европы. Но возможна ли эта организация с ныне существующими государствами? Вообразите себе федерацию, где Франция стоит на ряду с великим герцогством Баденским, Россия на ряду с Молдо-Валахией. Вообще, вообразима ли федерация централизованных бюрократических и военных государств, какие покрывают всю Европу, исключая Швейцарию?

Всякое централизованное государство каким бы либеральным оно ни заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплоататор народных и рабочих масс в пользу привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооруженной силы подталкивает его к войне. Отсюда я делаю заключение, что международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, вся-

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАЧАЛА АНАРХИИ

В мире, среди многих людей, понятие об анархии весьма странное, если не бесстыдное; и нет такого другого слова в общем употреблении столь опошленного, как слово "анархия." Сознательность одной части общества, воля которой возбуждается к посягательству на свободу воли другой, принимает слово "анархия" за корень социально-преступных идей; а мысль людей ленивого или грубого ума омрачает его превратными представлениями. И это продолжается так вплоть до наших дней с тех пор, как оно было впервые обнародовано кем-то из Сократового кружка в Афинах, употребляя его, как технический термин в преследовании доблестных идеалов, которые указывают и культивируют жизненный интерес, удовлетворяют настоятельные потребности каждого и всех. По своему универсальному значению идеи слово "анархия" было принято созерцательным умом эллинов за классическую форму выражения междуобщественной воли, но оно не было рождено величавым сознанием древних греков, как это утверждают. Употребление этого слова и в санскритском языке дает понять, что оно было рождено побуждающим к свободе инстинктом бывших арийцев. Как в санскритской речи, так и в древне-греческой, этимология его сущности одна и та же; одна и та же радикальная идея животворной свободы кроется в нем, с той лишь разницей, что обнаруживание этой идеи в древне-греческом языке есть аналитическое, а в санскритском — синтетическое.

На древне-греческом языке слово "анархия" содержит в себе понятие свободомыслия, которое построено на нисходящих выводах из универсальных явлений общежительной воли, и обозначает следующие идеи: "без главы, без предводителя, без вожака, без начальника или верховной власти "*ан* — без + *архи* — начало, первое иль "старшее" место, магистрат, правительство" (как указано в Webster's International Dictionary, считающимся одним из лучших).

⁂

Обе эти версии представляют первоосновные начала идеи общественного порядка без препятствующей центральной властолюбивой воли. Представленные начала здесь имеют парадоксальный вид: в них выступает кажущаяся несовместимость их с творческой сущностью природы, как в общем виде, так и в частном. Однако, психологические примеры из живой действительности иллюстрируют от начала до конца их преимущественную правду в целомудренных действиях природы. Бросая, с пониманием, взгляды на рост и проявление человеческой души при отсутствии повелителя, т. е. без главы, без вожака, без начальника и т. д., нельзя не убедиться положительно, что абсолютная свобода, действительно, является божественным даром небес. Свободная душа в человеке, самопроизвольно впитывая из окружающей обстановки потребные ей впечатления и извлекая из собственной природы здравые вдохновения, озаряется живым сознанием своего тождества и единства с Первопричиной и сотрудничает с Ней над миром в созидательной работе. В обхвате же подданического долга, повинности и всякого другого влияния внешне авторитарной силы, душа человека обезображивается: его воля умерщвлена и связанные с этой волей мечты, мысли и побуждения к проявлению своей природы (что требуется для неуклонного роста) не существуют; разум искажен, и сила собственного убеждения не доступна понятию; эмоции (сложные и напряженные чувства, сопровождаемые сознательностью) заглушены густой зарослью животной наслед-

---

кая провинция, всякая община, имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют современные централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах их могли развиться свободные группировки, организованные снизу вверх, свободные федерации общин в область, областей в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы.

М. А. Бакунин

ственности, и они не могут подняться к свету человеческих проявлений; вообще, подчинение убивает в личности самоуверенность в свои силы и дарования, убивает творческий почин и способность выражения себя, что сплошь и рядом подтверждается самоочевидными фактами. Выводя такие жизненные факты на свет, сознательный рассудок не может не засвидетельствовать природную правдивость безвластия и рассматривает власть человека над человеком с суровым нерасположением.

Власть человека над человеком есть неограниченная сила, которая неумолимо подчиняет человеческое сознание царству духа тьмы. Органически дух тьмы воплощен в государстве. Его проповедники, именующие себя "публичными слугами," "друзьями народа," "светочем народа" и т. п. понасаждали разновидные "загоны жизни," куда загоняют народ, живую душу земли, где легко и с уверенностью извлекается из нее трудовая энергия для устройства их пресыщенного блестяще-роскошного паразитизма, росту коего нет пределов. Как зеницу ока, они берегут эти загоны, чтоб не прорвалась в них брешь; иначе, прорвись народная воля в простор житейской правды и красоты, под небом им больше места нет, правительство не существует.

Выражаясь о несуществовании правительства, здесь вовсе нет смысла истолковывать, что это значит удаление общежитейской организации и погружение человеческой жизни в хаос, как это антилибертальные лексикографы (к удовольствию и в угоду начальству) любят объяснять в своих словарях. Если мы живем в методически устроенном мире, т. е. в области неизменных законов природы, то устройство людской жизни должно проявиться обязательно по плану стройной ее техники, — только свобода для этого не должна похищаться, только помехи не должны ставиться в единоличном воспламенении умственного света и в возбуждении благородных чувств к осуществлению единства всей жизни. И фраза "без правительства" никоим образом не означает отвержение благоустройства общежитейских условностей; в этой фразе таится внутренний смысл поощрения к основанию человеческой организации на началах истинно-моральной обязанности в отношении к каждому человеку; и не только к человеку, но и ко всему, что любит жить, как и человек.

Точно также и с речением "без первого или старшего места." Понимать это речение, как поощрение к злобно-упорному сопротивлению при самопосвящении и отдавании себя для услуг человечеству в его поступательных движениях к светозарней жизни, есть предубежденная спекуляция придирчивого рассудка. Однако, данное речение намекает к очистке мест, откуда совершаются поползновения на полученную от природы собственность другого человека. "Первые или старшие места" являются охраненной колыбелью всепоглощающей силы, зрелищной славы и опьяняющих богатств. Здесь назначаются громадные оклады себе, даются ослепительно-блестящие награды, устанавливаются особые права и всякие другие эгоистические преимущества. Содержится ли какая-либо моральная ценность в таких исполнениях общественной обязанности, чтобы не протестовать?

Согласно точным этическим правилам, за выражение себя (как, например, искусство) или за исполнение своих обязанностей и заданий в направлении человечества к каким-либо возвышенным идеалам, целям и достижениям, никакие награды или прерогативы и преимущества не надлежат. Все это стремление человеческих чувств и мыслей к своему осуществлению есть требование природы, воля которой, возбуждая основные инстинкты, направляет человека к приобщению высших начал бытия; и с этой целью она внедряет в него соответственные силы и способности. Торговля этими силами и способностями, т. е. проявление даров природы в себе за материальные вознаграждения и жизненные привилегии, есть святотатственная нечестивость, грозное проклятие человечества, что показывает современная культура. Удостоивание человека человеком наград не обладает силами вдохновений, которые воплощаются в чарующую красоту человеческого духа, всеобъемлющую благость и житейскую справедливость.

Коснувшись вопиющих вопросов о разнородных вознаграждениях за авторитетную деятельность в обществе, нельзя не коснуться таких же самых вопросов об украшающих отношениях к авторитету, таких отношений, как уважение, почитание, отдавание чести, благоговение и проч., что является довершением стяжаемой славы и наград. Появление и выражение сих чувствований, вообще, не отражает какое-ли-

бо зло; напротив, это придает музыкальную нежность моральной орбите. Кто из людей, чувствуя свое человеское достоинство, не уважает достоинство другого человека? Кто не обожает и не почитает то, что исходит от Духа истины, Кто может удержаться от благоговения пред священным дыханием природы в человеке непорочного разума и сердца? Благолюбивые люди никогда не остаются без почтительного и великодушного отклика в чувственном сердце своем. Что же касается непрошенных наставников воли другого и мастеров обманно-организованных взаимоотношений, то в силу природного движения логических заключений они непременно остаются "без уважения," "без поклонения," "без почитания" и т. д. Может ли правдивый человек уважать и любить господ, которые попадают на "первое или старшее место," и здесь неизбежно заболевают реакционно-напыщенным достоинством, которое выражается не иначе, как только чванством, гордостью, заносчивостью, дерзостью, чувством превосходства над другими личностями и пренебрежением к их человеческому достоинству,

⁂

Здесь напрашивается еще вопрос о религии: что значит выражение "без религии"? Религия, согласно психологическим указаниям, есть высшее выражение инстинкта смиренномудрия, или покорности. (В психологии эта струя психической энергии известна, как религиозный инстинкт). В процессе оживотворения религия имеет значение наивысшей формы искусства, т. е. она представляет собою интеллектуальное и эмоциональное самовыражение, которое направляется не путем воспроизведения жизни, идей, природы и всей целости мира, а путем отношений к этим материальным и духовным вещам. Цель религии, как и всего искусства, содействовать росту сознания и обнаруживать неразрывную связь с Космогонической Силой в природе. И эта форма религии не является причиной враждебных отношений к самой религии. Но гриппозная религия, вбиваемая в голову жрецами, весьма нервное явление, и не искать исцеления от этого психического недуга могут лишь косные люди, которые находятся далеко-далеко позади прогрессивного движения. Зазорные жрецы, чтобы осуществить свой личный интерес, удерживают в массах религиозный инстинкт на его примитивном выражении, видом которого есть самоуничижение. А самоуничижение является открытой настежь дверью в сознание, куда ликующе входит нечистый дух подобострастия, подлости, гадкой покорности и презренного смирения; это — единственные вещи, которые служат верным залогом для сохранения универсально-господствующего влияния жрецов. Такое отрицательное положение религии не только не желательно, но и противно. И отсюда само собой возникает непреодолимое стремление религиозного инстинкта к своему освобождению из-под власти "братства мрачной тени." Требование осуществления этой свободы и есть внутренний смысл речения "без религии."

Такое же нравственное содержание распознается и в каждом из данных выше выражений, определяющих начала анархии. Каждое из этих выражений есть продукт интуитивных чувств, а не разумения, облекающего их в наряд явной или всенародной манеры изъяснения мыслей. Мысль есть движение идей (умственных воображений, основанных на ощущениях изнутри и впечатлениях извне). Каково бы ни было это движение, т. е. как бы мысли ни излагались, идеи всегда остаются в своей существенной подлинности. И работая над какими-нибудь жизненными вопросами, внимание должно быть направлено к идеям, а не к манерам их изъяснений. Сличая идеи из выражений древне-греческого и санскритского языков с явлениями природы, с характером окружающей обстановки и со всей живущей реальностью, рассудок постигает в них правдивую волю Творческого Духа в природе, скрижали заповедей Его. Они переданы осознавшему себя человечеству на альтруистически-идеальных высотах сознательности, вокруг которых простирается гибельное раздолье рабской жизни, где воля одного ума служит рабочим орудием воле одержимого посягательством другого ума. Эти заповеди предписывают человеку принимать за авторитет в укладе жизни свою совесть и, повинуясь ее велениям, войти в свойственное соотношение с природным ходом человеческой эволюции, а не делать авторитетом власть другого человека. Такое проявление бытия есть анархия.

⁂

По своему происхождению анархия есть психическое явление, но не политическое

движение, как принято думать, хотя она, будучи по своей природе универсальной действительностью, занимает соответственное ей место и здесь. Чувства и понятия об анархии зарождаются и развиваются вместе с главными инстниктами: с инстнинктом самосохранения, с инстинктом воспроизведения и с инстинктом общественности. Природа анархических чувств и понятий, как и весь формирующийся данными инстинктами личный характер и измышляемое ими общественное устройство, зависит от того, как эти инстинкты выражаются: примитивно или сублимированно, т. е. первобытно или возвышенно.

Инстинкт самосохранения в примитивной форме выражения проявляет страх, опасение, боязнь за свою личность и благоденствие; на этой почве возрастают побуждения к захвату всего, что обеспечивает и удовлетворяет самосохранение, как власть над другим человеком и контроль над богатствами природы. Для человека с таким проявлением инстинкта анархия есть "хаос," "беспорядок" и т. д. Но если этот инстинкт сублимирован, формой чего являются чувства защиты и поддержка всякой отдельной жизни, то анархия для него есть закон моральной обязанности уважать и сохранять права на жизнь каждого человека, если не всего живущего.

Инстинкт воспроизведения в своем примитивном виде выражается половой жизнью, с чем связываются и другие побуждения к животным наслаждениям. Человек такого инстинкта видит в анархии Обетованную Землю, где царит простор и приволье для пресыщения сладострастьем и утопления своих грубых вожделений; если же этот инстинкт превращен в свое высшее назначение, чем является духовность или искусство (под искусством понимается форма самовыражения, не имеющего личных выгод), то в анархии он видит прелестно-сияющий мир мудрости, интуиции, сознательности и всех других умственных и психических особенностей, мир творческого мышления и отражения космических сил в каждой личности.

Инстинкт общественности в примитивном выражении обнаруживает обыкновенную общительность с себе подобными, а в своей сублимации — братство. Анархия здесь для человека примитивного инстинкта едва ли имеет какое-либо значение; но когда этот инстинкт сублимирован в братство, то человек таких побуждений осуществляет в анархии мироздание творческой любви и универсальной благости: тут все люди, будучи братьями, детьми одного Отца-Солнца и одной Матери-Земли, заботятся неизменно о житейском благе каждого из членов своей человеческой семьи; тут каждый из них сотрудничает сознательно, со всеобщей пользой и благопристойностью, не зная, что значит эксплоатация одного другим; и нет здесь ничего ни моего, ни твоего, а все — наше: и в нравственном, и в умственном, и в физическом смысле. Такие обстоятельства в житейском ходе идеально-благословенной семьи, действительно, являются правдивой взаимоотносительной соразмерностью, бессмертная формула которой гласит: "От каждого по способностям и каждому по потребностям."

* * *

Таков правдиво понимаемый смысл первообразных начал анархии. Каждое из приведенных здесь анархических начал излагает моральную аксиому прямых соотношений между Я и не-Я. Эти начала есть голос Стихии в человеке, голос, который возбуждает инстинктивные элементы к воплощению в реальность благотворного и самостоятельного движения своей жизни (находящейся во взаимной зависимости с другой жизнью. Возбудительная причина движения человеческой жизни заключается не только в необходимости борьбы за вещественное существование и удовлетворение насущных потребностей, но и в обязанности оживляться космическими поощрениями в себе к беспрерывному расширению своей сознательности. А такие природные задания не могут быть осуществлены без преобразовательного наличия независимости, самоопределения и всех тех условий, которые сочетают творческую причину с житейски-гармоничными следствиями; иначе говоря, растущее культурное преуспевание обусловливается только при недопущении к себе власти, т. е. при анархии. Анархия, а не власть, есть творчески определяющий фактор поступательного хода жизни.

Современная демократическая и социалистическая власть видят это; чтобы удержаться у власти, они охотно расширяют экономический простор для чувственно-материального сознания. К такому положению человек, пожалуй, мог бы приноровиться, будь он составлен только из материальных элементов; но в нем заложены еще и пси-

АНАРХИЗМ И КООПЕРАЦИЯ

Многие анархисты теперь склоняются к мнению, что кооперация есть метод строительства анархического общества. Можно считать, что наиболее приемлемым для этих анархистов является такое определение кооперации: "кооперация есть анархическая форма обобществления народного хозяйства, подвергшаяся извращению, вследствие использования ее руководителями для своих политических целей, не совместимых с принципами коммунистического анархизма."

Из этого определения следует ряд выводов. Во-первых, кооперация, по своему существу, является средством строительства анархического общества. Это само собою понятно, поскольку каждый кооператив есть добровольное объединение трудящихся для совместного ведения общего хозяйства в целях наиболее полного удовлетворения их потребностей. Анархическую основу кооперации составляет добровольность членства, право свободного выхода для меньшинства, возврат пая выбывающим членам, подконтрольность и сменяемость всех выборных лиц.

Во-вторых, идеологическая враждебность кооперативного движения к анархизму, которую мы можем наблюдать во всех странах, объясняется воздействием руководящего состава кооперации на массы: руководят кооперацией наши враги из буржуазного и социалистического лагеря, которые и приспосабливают анархическую по форме кооперацию к своим не анархическим целям. Таким образом, смысл кооперации извращается благодаря сознательному воздействию на нее наших врагов.

В-третьих, сам собою напрашивается вывод, что для того, чтобы кооперация служила нашим анархическим целям, нужно, чтобы анархисты ею руководили. Жизнь строит тот, кто активен. Если мы будем стоять в стороне от кооперации — самого мощного общественного движения в мире, —другие партии будут использовывать его во вред нам. Большевикам, например, было очень трудно строить свой государственный социализм при противодействии кооперации. Они потратили около двух лет на борьбу с ней, которая кончилась полным уничтожением кооперации. Теперь сызнова они восстанавливают кооперацию. Так же и мы не сможем построить анархическое общество, если кооперативное движение будет против нас. Значит, нужно идти в кооперацию и бороться за то, чтобы сделать ее анархической.

А для того, чтобы кооперация стала анархической, анархистам необходимо бороться за то,

1) чтобы кооперация обслуживала низшие слои пролетариата, трудовое крестьянство и интеллигентскую бедноту;

2 чтобы кооперация укрепляла связи между пролетариатом и крестьянством (трудовым фермерством);

3) чтобы кооперация постепенно кооперировала и домашние хозяйство, дабы освободить женщину от рабства домашнего очага;

4) чтобы потребительская кооперация постепенно усваивала задачи других видов кооперации;

5) чтобы кооперация широко ставила культурно-просветительную работу среди членов;

6) чтобы кооперация вела или содействовала ведению анархической пропаганды;

7) чтобы кооперация стремилась к завладению орудий и средств производства.

После анархической революции потребительская кооперация должна взять в свои руки орудия и средства производства

хические элементы, которые имеют свои собственные требования и законы движения, обусловленные абсолютной свободой. Человек в своей контструктивной схеме соответствует семиугольнику: он также состоит из семи элементов (согласно семи явлениям природы) и как семиугольник нельзя вписать в круг, так и семиэлементный человек не может быть вогнан внутрь круга управляемой властью жизни. Это есть анархическая истина. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы каждый человек воспламенил свои эмоции до сознательной яркости, где бы разум смог увидеть эту истину в своей собственной природе и приветствовать анархию телом и душой.

М. И. Томашевский

и заменить наемный труд личным трудом своих членов. Замена наемного труда трудом членов превращает кооператив в коммуну. До революции это не возможно, после революции — необходимо.

Анархическая коммуна — это потребительский кооператив с собственным производством, которое ведется личным трудом его членов.

Товарищи дружно возражают против выделения жилищной кооперации и придания ей особых задач в будущем обществе. Они говорят, что такое выделение одного из видов кооперации запутывает программу, делает ее туманной. Нужно выдвинуть принцип и отбросить частности, — говорят они. Действительно, жилищная кооперация — вид потребительской кооперации (удовлетворяет потребность в жилище). Не будем спорить из-за частностей. Признаем, что в будущем города и села должны будут исчезнуть с лица земли и их должны будут заменить города-сады. Признаем также, что организовать удовлетворение всех потребностей (пища, одежда, жилище, транспорт) должна будет потребительская кооперация.

Некоторые товарищи возражают против принципа потребительской кооперации и средством строительства анархического общества считают все виды кооперации (сельско-хозяйственную, кредитную и производительную). С этим уж никак нельзя соласиться. Потребительская кооперация объединяет рабочих и крестьян (фермеров), а другие виды кооперации разъединяют их. Поэтому, в других видах кооперации можно участвовать для того, чтобы привести их к слиянию с потребительской, но отнюдь не для того, чтобы на них что-либо строить. Наша задача — построить такое общество, где не будет ни рабочих, ни крестьян, не будет даже профессий, а все виды кооперации, кроме потребительской, связаны с профессиональным делением людей.

Для того, чтобы уничтожить профессиональное деление людей, потребительская кооперация в будущем обществе должна будет проводить принцип интеграции труда. Потребительский кооператив должен будет (после революционного захвата орудий и средств производства) образовать секции по отдельным отраслям производства и проводить принцип участия каждого члена в нескольких секциях, обращая внимание на разнообразие занятий (чередование сельскохозяйственных работ с промышленными и умственного труда с физическим).

Для того, чтобы кооперация не выродилась в государственные организации (на подобие синдикатов), должна быть сохранена добровольность членства и принцип возврата пая выходящему члену должен быть заменен, после анархической революции, принципом выделения пропорциональной доли имущества. Это — основная гарантия добровольности организации. Вышедший член может распорядиться своей долей имущества как ему угодно. Он может жить по-индивидуалистически.

Анархический коммунизм не будет навязываться силой. Анархический коммунизм не мешает отдельным людям жить не по-коммунистически, но он учит, что вольный коммунизм — самая удобная для человека форма общежития. *В. Х.*

ДВА СОСЕДА*

Уж не любовь ли к миру понуждает державы все больше и больше вооружаться? Не для того ли они так страшно увеличивают военные расходы и контигенты войск, чтобы доказать миролюбивость своих намерений? Вот уж где, действительно, применяется известная поговорка: "если хочешь мира, готовся к войне!" По нелепости это положение можно лишь сравнить с такого рода разговором между двумя соседями:

—Как я рад, — говорит первый сосед, — что мы с тобой живем в мире. А потому я купил себе палку, посмотри-ка!

ВТОРОЙ СОСЕД (рассматривая палку): Да, славная дубина! Недурно может размозжить кому-нибудь череп! А хорошо, что мы с тобой так согласно живем! Пойду и я, куплю себе такую же палку. Хотя, по правде сказать, деньги мне нужны в хозяйстве.

Спустя некоторое время, первый сосед снова начинает разговор:

—Я сбыл с рук свою палку одному менее цивилизованному человеку, чем мы, потому что, в сущности, убить человека дубиной — это слишком грубо. Вместо нее я купил саблю: с ней легче обращаться, да

* Из доклада Ф. Домела-Ньювейнгейса Парижскому Анархическому Конгрессу 1899 г.

она и красивее. Как я рад, что живу в мире и согласии со всеми соседями!

ВТОРОЙ СОСЕД (рассматривая саблю): Да, хорошо, что мы — христиане! Ведь христианство — это религия мира... А потому будет гораздо приличнее, если я тоже приобрету саблю: дубина это, в конце концов, — оружие, пожалуй, слишком языческое.

Еще через некоторое время: Ей, сосед, поди-ка сюда! Посмотри, какое у меня ружье! Оно гораздо лучше сабли; но в виду прекрасных отношений, я оставлю у себя и то и другое — и саблю и ружье.

ВТОРОЙ СОСЕД (рассматривая ружье): Куплю и я себе ружье!

Придя домой, он обращается к жене: — Дай мне денег на ружье.

ЖЕНА: Да что ты с ума сошел? Ружье! У меня не на что купить детям одежду.

МУЖ: Займи где-нибудь.

ЖЕНА: У меня нет ничего, что бы я могла заложить.

МУЖ: Ну, ничего: дети вырастут и заплатят долг, а на плату процентов будут отдавать часть того, что заработают.

Дети кричат: "Мы хотим есть!"

ОТЕЦ: Молчите! терпеть не могу недовольных! Я стою за свободу и позволю вам быть голодными, сколько вам угодно, лишь бы вы не выражали недовольства.

Мать и дети начинают плакать и, ради любви к миру, с ними расправляются кулаками.

А затем соседи продолжают состязаться между собою в вооружении. Чтобы обеспечить мир, в каждой семье вооружают нескольких человек из детей, которые занимаются тем, что бьют остальных, или расстреливают их, если, под влиянием голода, они дойдут до восстания против отцовской власти. И такую несчастную жизнь ведут все семьи.

Постоянно покупается новое оружие, и для этого всегда находятся деньги, в то время как голодным отказывают в куске хлеба. При этом каждый год соседи сходятся вместе и уверяют друг друга в том, что между ними царит полное согласие и что никакое нарушение мирных отношений невозможно.

Что бы сказали люди, если бы в самом деле нашлись такие соседи? Их бы, наверное, посадили в сумасшедший дом или в тюрьму — за дурное обращение со своими детьми. А между тем наши державы ведут себя по отношению друг к другу совершенно так же. правительства произносят в различных парламентах такие же речи, как наши соседи, и так же обращаются со своими подданными, как эти соседи со своими детьми.

"И Я ЕГО ЛЯГНУЛ!"

Ответ г-ну К. Прошину и ему подобным

В своей статье "Вундеркинды" в "НРС" от 28-1-57 г-н К. Прошин обрушился на известного революционера, историка, ученого и теоретика анархизма — П. А. Кропоткина и очернил его с головы до ног, что он, мол, сякой и такой, не историк, а пропагандист, "адвокат якобинцев, Марата, эберистов, "бешеных." Прошин будто бы прочел книгу Кропоткина "Великая Французская Революция," выдернул несколько фраз и на этом построил свою "философию." Особенно не понравилось Прошину выражение Кропоткина "стеснительная власть" и он с апломбом заявляет, что "стеснительная власть — идиотская фраза" и что ее "мог написать только заядлый фанатик." Эти голословные утверждения, злобные и клеветнические, свидетельствуют, на какие "подвиги" способны господа Прошины. С полной уверенностью известного героя Прошин может воскликнуть: "И я его лягнул!"

П. А. Кропоткин — человек широкого кругозора, разумеется, не был "заядлым фанатиком," а исследователем. Скорее всего сам г-н Прошин является фанатиком власти, и отсюда — все его качества.

Кто такой Кропоткин, читающей публике известно. А кто такой Прошин, мы не знаем. Очевидно поклонник сильной власти, фанатик. Он уверен, что сильная власть может творить чудеса. А что это за чудеса, всему миру известно. Самой сильной властью обладают диктаторы. Сколько и каких чудес натворил Сталин, Муссолини, Франко, Гитлер!.. Гитлер уничтожил 6 миллионов евреев. Плоды сильной власти — человеческие жертвоприношения. Разве нельзя как-то лучше устроить мир без сильной власти и без жетрвоприношений?.. Уж довольно пролито человеческой крови. Пора подумать над тем, как избавиться от ненужных человеческих жертвоприношений.

А теперь несколько слов в опровержение утверждения Прошина, что Кропоткин якобы не историк, а пропагандист. Французский историк А. Олар говорит:

"В этот момент, когда Кропоткин от нас ушел, я хотел бы напомнить, что он был не только революционером, но и историком.

"В книге 'Великая Французская Революция' он с большим талантом и знанием набросал историческую картину французской революции.

"Вот как он сам характеризует свою цель:

" 'Роль народа — деревень и городов — в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение умственное известно; но другое течение — народное действие — еще очень мало затронуто.'

"Подобно Луи Блану, Кропоткин, по тем же самым причинам, находился в неблагоприятных условиях, когда взялся за этот труд — он должен был работать в Лондоне, вдали от французских источников. Но те материалы, которыми он располагал в Лондоне, он использовал с тщательностью эрудита. Его книга — не памфлет, но серьезное, беспристрастное и интересное повествование. Он постарался показать, что революция, поскольку она улучшила положение людей, была исключительно делом рабочих и крестьян.

"С этой точки зрения это — действительно народная история революции. Мишле, наш общий великий учитель, с радостью читал бы ее.

"Кропоткин был, таким образом, оригинальным историком. В этой книге он был хорошим слугой исторической истины, современным умом, искусным и интелигентным работником, не имевшим в своем распоряжении всех необходимых инструментов. Нам все же было полезно посмотреть на Французскую Революцию его глазами, глазами гражданина мира."

Известный немецкий публицист Рудольф Рокер, говоря о той же книге Кропоткина, пишет следующее в Сборнике статей о Кропоткине под названием: "П. А. Кропоткин и его учение":

"В своем замечательном труде по истории великой французской революции Кропоткин впервые применил свои взгляды на творческую инициативу и деятельность масс к целой исторической эпохе, наиболее драматической и крупнейшей эпохе современной истории. Не историю 'революционного Конвента' и якобинцев излагает нам Кропоткин. Эта сторона великой революции была уже достаточно исследована и истолкована такими историками, как Мищлэ, Луи Блан, Бушэ и сотнями других. Нам недоставало действительно-народной истории революции, описания крупных движений крестьян и городских пролетариев, которые игнорировались историками почти целиком, может быть, по причине отсутствия в них риторического блеска и героической позы. Между тем, как раз эти народные движения помогли великому сдвигу конца 18-го столетия перейти в революцию. Об этом сдвиге нам Кропоткин и повествует. На основании неисчерпаемого и богатейшего материала он показывает нам, что 'великие люди Конвента' никоим образом не были теми страстными вдохновителями и вождями, которые дали толчек движению масс. Совсем наоборот. Эти люди, чьи имена история окружила ореолом героев, сперва мечтали лишь о некоторых скромных реформах и они были готовы удовлетвориться любой уступкой со стороны королевской власти, если бы народ не гнал их насильно вперед, ставя их перед лицом совершенных фактов. Большинство этих вождей колебалось справа налево и слева направо. Всякая мысль о решительном действии пугала их и лишь решительные действия народных масс были в состоянии заставить их быть активными. Еще в 1792-м году Национальное Собрание сделало попытку защиты феодальных прав и в том же году якобинцы отвергли идею республики и объявили себя приверженцами конституционной монархии, хотя всем и повсюду было известно, что двор предал Францию.

"Революция двигалась вперед, в каждый критический момент ее развития, народом, революционными действиями безымяных и неизвестных, разбившими вдребезги крепость тирании. Спонтанное движение масс было той силой, которая положила конец феодальным правам, остаткам крепостничества вместе с абсолютной монархией, обратило в бегство армии объединенных королей Европы и открыло новую эпоху в истории европейских народов.

"История революции Кропоткина невольно напоминает монументальный труд его великого соотечественника "Войну и Мир" Л. Толстого. Последний тоже безжалостно уничтожает культ героев наших историков и показывает человеческие, и часто слишком человеческие, стороны героев, в особенности Наполеона, во всей их прозаической действительности. Толстой также привлекает наше внимание к человеку из народа, исполняющему свой долг без позы и риторики, несущему свой крест без всяких мыслей о том, что он-то и является настоящим героем той славной эпохи, которая напоминает своим скромным блеском наиболее величественные эпохи истории. Кропоткин фактами исторического прошлого доказал то, что Толстому чуялось интуитивно. Кто читал и хорошо понял труд Кропоткина о Великой Революции, на того уже не произведет никакого впечатления культ героев Карлейля и его многочисленных последователей. Тот видит подлинное величие человеческой жизни в других областях и перед глазами открывается будущее человечества в совершенно иных перспективах.

"В этом смысле Кропоткин является для нас пионером нового сознания, проводником, указавшим нам путь общественного развития, ведущий в обетованную страну анархического социализма."

Рудольф Рокер.

В отдельной статье "Что делать?" П. А. Кропоткин излагает свои мысли о Русской Революции, которые мы считаем полезным вновь опубликовать для того, чтобы освежить память некоторых лиц.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Кропоткин о Русской Революции

От Редакции: Нижепечатаемый набросок П. А. Кропоткина о Русской Революции был напечатан впервые в Берлинском "Рабочем Пути" (№ 5, Июль 1923 г.) — органе русских анархо-синдикалистов — со следующим примечанием:

"Пересылая нам для опубликования в "Рабочем Пути," до сих пор еще не появившийся в русской печати набросок П. А. Кропоткина о значении Русской Революции, дочь его, Александра Петровна, пишет нам следующее:

"С некоторым колебанием решаюсь я опубликовать настоящий отрывок. Я боюсь, что он может показаться пессимистическим. Революции не являются результатом какого бы то ни было стремления к разрушению, или даже к быстрому изменению со стороны так называемых революционеров, но являются неизбежным последствием апатии тех, кто верит в эволюцию. Те, которые этого не понимают, найдут в наброске моего отца доказательство "ужасов" революции. Постолько же, посколько прогресс безжалостен по отношению к тем, кто "в пессимизме находит удовлетворение," не стоит и беспокоиться о том, что эти люди найдут или не найдут в этом отрывке.

"Это было в Дмитрове вечером 23-го ноября 1920-го года. Отец мой позвал меня и мою мать чтобы мы выслушали то, что он написал. Он был сильно взволнован и голос его дрожал. Почерк подлинника, — всегда тонкий, правильный и красивый, почти неразборчив на первой странице; вся рукопись написана в порыве страсти. Из всех трагедий, которые я пережила в течение этих трех лет, — полных человеческими страданиями, скорее духовными, чем физическими, — одна из самых глубоких трагедий, это борьба за уменье терпеть. Эту трагедию, как я угадывала, переживал в мыслях своих мой отец, следя за движением огромного колеса истории. Его глубокая и активная любовь ко всему человечеству сделала крайне мучительным для него переживание чужих страданий, которых он не был в силах ни облегчить, ни предупредить. Неизбежность развития революции, шедшей, с первых же шагов, по ложному пути и ведущему лишь к поражению и к реакции, была для его трезвого ума трагическим испытанием.

"В этом отрывке, однако, многое поучительно— не только для тех, кто уже заинтересован в изучении анархического идеала, но и для всех тех, в чьих умах интерес к Русской Революции возбудит неиссякаемый ряд вопросов и проблем.

"Ясно, что настоящий набросок **был написан не для опубликования.** Он отвечает на некоторые поставленные вопросы и является лишь заметкой, написанной моим отцом для прочтения мне и моей матери. **А. П. Кропоткина."**

23 ноября. Бурный разговор с С. и С.* Все те же вечные упреки, зачем не выступаю с определенной программой — чего? действия? нет, "взгляда," — общего взгляда на современные события!

Вот мой взгляд.

Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а **явление — стихийное, не зависящее от человеческой воли,** а также природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии.

Тысячи причин, при которых работа отдельного человека и даже партии являются одной из крупинок, одним из маленьких местных вихрей, содействовали, чтобы сложилось великое стихийное явление — великая, либо обновляющая, либо разрушающая, либо разрушающая и обновляющая катастрофа.

Все мы, — и я в том числе, — подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все прешедствующие революции 1793, 1848, 1871 г.г., все писания якобинцев, социалистов, политиканов... все успехи науки, промышленности, искусства и т. д. Словом, **миллионы** стихийных причин, как миллионы движений частиц воздуха или воды производят налетевшую бурю, которая топит сотни кораблей, или разрушает 1000 домов, — как сотрясения почвы в землетрясении, вызванного тысячами мелких сотрясений и подготовительных движений частиц.

Люди, вообще не представляющие себе явления **конкретно, вещно,** мыслящие больше словами, чем продуманными образами, не имеют никакого представления о том, что такое революция. Какие миллионы причин совместно работали, чтобы дать ей ее теперешний характер, а поэтому они склонны придать непомерное значение в ходе революции своей личности и положению, которое **они** или их друзья и единомышленники займут в этом громадном перевороте. И, конечно, они совершенно не способны понять, как бессилен отдельный человек, каковы бы ни были его ум и опытность в этом водовороте сотен тысяч сил, приведеных в движение переворотом.

Они не понимают, что, если началось такое великое явление природы, как землетрясение или, вернее, как налетевший тайфун, то оказать какое бы то ни было вли-

* С. и С. — София Ггигорьевана, жена Кропоткина и Александра Петровна, его дочь.

яние на ход событий **отдельные люди бессильны. Партия** еще может кое-что сделать — гораздо меньше, чем это думают, — но все таки, хотя на поверхности набегающих волн ее влияние еще может быть чуть-чуть заметно. Но отдельные волны, не составляющие довольно многочисленной партии, безусловно бессильны; их силы безусловно равны нулю. Вообразите волну, вышиною в сажень, набежавшую на берег, и вообразите человека, противоставляющего ей свою палку или даже свою лодку!

Если к этому сводятся такие силы, то тебе — остается одно: переживать тайфун.

В этом положении стою я, анархист. Но в очень похожем на это положение стоят сейчас в России даже более крупные партии.

Скажу больше. В таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, а ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее.

Вот была плотина, державшая массу воды. Мы все подтачивали ее. И я внес в это свою долю.

Одни мечтали направить воду по тесному• каналу на свою мельницу. Другие мечтали проложить при помощи прорыва воды новые пути запруженной реке. Теперь она несется ни на мельницу, — она снесла уже ным прорыв плотины. И вот спрашивается: мельницу, — ни по предназначенному нами руслу, — п. ч. произошел прорыв не в силу наших усилий, а в силу множества гораздо более крупных причин, сделавших возмож-что же делать?

Запруживать плотину—нелепо. Поздно!

Пролагать прорвавшейся воде новые пути — невозможно! Мы готовили ей путь, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, недостаточно подготовлен, когда случился прорыв, и вода не пошла по нем. Она рвется и ломает по другому пути.

Что же делать?

Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили, но не успели достаточно подготовить... Что же делать теперь?

Мешать революции? — Нелепо! Поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

Теперь русская революция стоит в таком положении:

Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: потому она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идет.

И мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того, как она изживет себя. Нужно, чтобы она изжила свои силы.

А тогда?

Тогда — **роковым образом придет реакция.**

Таков закон истории, и легко понять, **почему иначе и быть не может.**

Воображают, что мы можем изменить ход революции — детская мечта. Революция — такая сила, что ее ход не изменишь.

И приход **РЕАКЦИИ абсолютно неизбежен,** точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен в человеке упадок сил после лихорадочного повышения.

А потому все, что мы можем сделать, это направить наши усилия, чтобы **уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции.**

Но в чем могут состоять наши усилия?

Умерить голос страстей с той и другой стороны? Кто же нас станет слушать? — Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать что-нибудь в этой роли, то время их выступления еще не наступило: ни та, ни другая сторона еще не расположены их слушать.

Я вижу одно: нужно собирать людей, **способных заняться построительной работой, среди каждой из своих партий, после того ,как революция изживет свои силы.** Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных несъедаемых самолюбием работников анархистов. И если бы я был моложе и мог видать сотни людей, — конечно **так,** как это следует делать, если хочешь подбирать людей для общего дела...

Если такие "собиратели" анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать. Тогда и писанья надо будет вести, — но гораздо больше перепиской и личными связями, чем путем печати.

Петр Кропоткин

Н. А. РУБАКИН

(К 10-летию со дня смерти)

23 ноября 1946 г. в Лозанне, Швейцария, скончался в возрасте 84 лет Н. А. Рубакин — великий поборник свободы и справедливости, выдающийся радикальный мыслитель и основатель новой научной системы библиопсихологии — науки, исследующей влияние различного содержания книг на психику разных читателей. В течение 60 лет он был популярен среди русской радикальной молодежи не только в России, но и заграницей — в особености среди радикальных и анархически настроенных русских рабочих в Америке и Аргентине. Его литературное имя часто ставят наряду с именем и творчеством П. Кропоткина.

Николай Александрович Рубакин родился в марте 1862 г. в Петербурге в небольшой семье из пяти душ. В 1874 г. его либеральные родители открыли в бедной части города библиотеку-читальню с целью распространения просвещения. То было время общественного оживления в России, когда широкие круги населения стремились к саморазвитию и образованию. Еще 13-летним мальчиком, учеником второго класса реального училища, Рубакин заинтересовался работой в библиотеке, принимая в ней деятельное участие: выдавал книги для чтения, составлял каталоги, приобретал новые книги и стремился расширить круг читателей. Он стал большим любителем книги и все время старался распространять свет и знания. Уже тогда в его молодом уме возникли мысли о большом влиянии книги — мысли, легшие в основу библиопсихологии, создателем которой он стал лишь 40 лет спустя.

В 1881 г. Рубакин выдержал экзамен на аттестат зрелости и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Но это его не удовлетворило. Он стремился к расширению своих знаний и одновременно стал проходить курсы социал-юридического и историко-филологического факультетов. Он скончил университет с золотой медалью за научную диссертацию о микроорганизмах. Он мог бы получить место профессора в университете, но ему отказали в этом по той причине, что он был замешан в одном политическом деле и находился под надзором полиции.

Вскоре после окончания университета Рубакин работал вместе с отцом на одной бумажной фабрике, на которой он в течение нескольких лет исполнял конторские обязанности. Установив непосредственные связи с рабочими фабрики, он сильно заинтересовался их жизнью и стремлениями. Он убедился, что среди забитых нуждой и трудом рабочих можно всегда найти прямых, честных людей, и он не раз повторял, что рабочие больше всего нуждаются в просвещении. С этой целью он организовал небольшую группу из наиболее грамотных и сознательных рабочих и предложил им устраивать совместные чтения и собеседования. Рабочие согласились и охотно принялись за работу. На собраниях группы часто обсуждались важные вопросы из истории и социологии, а также и вопросы рабочего движения в России и в других странах. Руководя работой группы, Рубакин убедился, что несмотря на то, что он получил университетское образование, он все-таки не подготовлен идеологически влиять на рабочих. Он понял, что прежде чем с успехом просвещать рабочих, нужно самому хорошенько изучить их идейные и социальные интересы и стремления. И в этом отношении можно без преувеличения сказать, что библиотека и фабрика были теми важными неразрывными пунктами духовного сближения, которые наложили сильный отпечаток на всё дальнейшее интеллектуальное развитие юного Рубакина.

В конце 1908 г. Рубакин был выслан из России, как "неблагонадежный" в политическом отношении. Прибыв в Швейцарию, он поселился в Лозанне, где его общественная и литературно-научная деятельность приняла более реальные формы. Он расширил и углубил свою работу, основав с помощью некоторых ученых и общественных детяелей Библиопсихологический Институт. Среди членов этого Института одно из важных мест занимал профессор Август Форель — автор капитального труда "Половой вопрос." Главная задача Института состояла в научной разработке библиопсихологии. Вот как Рубакин излагает эту науку:

"Под библиопсихологией мы разумеем науч-

ную систему, одну из ветвей современной психологии, изучающей влияние книги и вообще литературы разных времен и народов на психику отдельного читателя и коллектива. Эта наука анализирует социально-психологические взаимоотношения разных типов читателей и разных книг. Книга и читатель неразрывны и составляют в конечном счете одно синтетическое целое."

Установлено, что курс библиопсихологии в Лозаннском Институте прошли более 6000 человек — мужчин и женщин, добившихся образования путем саморазвития и переписки с читателями разных стран, в том числе и России. В 1922 году советское правительство обратилось к Рубакину с предложением возвратиться в Россию и работать на "ниве народной," на что Рубакин решительно и лаконически ответил: "Я предполагаю демократическую Швейцарию диктаторской России." В 1924 году в одной большой московской библиотеке была проведена анкета — кто из писателей наиболее популярен среди русских читателей? Ответ был: Л. Толстой и Н. Рубакин! И это в стране "социализма," в которой не только наука, но и вся многогранная жизнь подвержены партийным указам и декретам.

Н. Рубакин написал много замечательных книг, брошюр и бесчисленное количество популярных статей, главным образом, по научным и социальным вопросам. Некоторые его произведения переведены на несколько европейских языков. Он вёл в течение долгих лет широкую переписку с читателями из стран Европы и Америки. Знакомясь с их духовными запросами, интересами и стремлениями, он постепенно уточнил и систематизировал свои выводы и заключения, легшие в основу его теории библиопсихологии. Отмечу здесь названия нескольких его произведений: "История Русской Земли" (в двух частях) знакомит читателя с зарождением и развитием русского государства. "Время и пространство" — небольшая книжка, в которой в популярной форме изложен вопрос об однообразии этих двух понятий в астрономии, географии и космографии. "Великие чудеса природы" — брошюра научного содержания, разбирающая вопросы ботаники и зоологии. "В мире животных" — описание пород. "Как и почему появились люди на земле" — популярное изложение теории эволюции Дарвина. "Среди книг" — объемистый труд, знакомящий читателя с важными произведениями многих знаменитых писателей, живших в разные эпохи, и устанавливающий их литературную характеристику и группировку. "Письма к читателям о самообразовании" — замечательная книга, в которой помещены сотни длинных и кратких писем читателей к Рубакину и ответы последнего на них, в которых он разбирает основные вопросы о влиянии и полезности чтения и самообразования в соответствии с индивидуальными способностями и интересами читателей.

Н. Рубакин долгое время сотрудничал в радикальных русских журналах "Русское Богатство," "Вестник Знания" (Россия), "Пробуждение" (Америка), "Голос Труда" (Аргентина) и др. В "Вестнике Знания" он поместил серию популярных статей об известной книге Эльцбахера "Анархизм." Его литературно-научные произведения, распространявшиеся в десятках и сотнях тысяч экземпляров, являются ценным вкладом в общую литературу по предметам самообразования.

Два качества определяют литературное творчество Рубакина: популярный стиль и энциклопедичность знаний. Он легко популяризовал, в доступной читателю форме, самые трудные и сложные проблемы науки, искусства и философии и разъяснял не только отдельные вопросы, но и целые научные системы. Его произведения отличаются удивительным разнообразием знаний многих социальных, исторических и научных областей. Его научная вера сближается с одной главной идеей, одухотворяющей ум и сознание человека — верой в человеческий прогресс. Эта вера в социальное и моральное возрождение человека выдвигает идею борьбы против главных несправедливостей современной социальной жизни: богатства привилегированного меньшинства, эксплоатации трудовых масс и народного невежества. Из этих несправедливостей, согласно вере Рубакина, проистекают антагонизмы, ненависть, месть и другие антигуманитарные чувства и явления, уходящие своими биологическими и психологическими корнями в далекое историческое прошлое, когда человек находился в примитивном состоянии и вёл суровую борьбу за существование. И эта борьба постепенно двигала человека к дальнейшему прогрессу.

Мировоззрение Рубакина не укладывается в узкие, партийные рамки. Он никогда

не был партийным сторонником какой-либо одной идеологии. Он не мог мириться ни с народничеством, ни с социал-демократизмом ни с большевизмом. Правда, он одно время сотрудничал в народнических и марксистских журналах, но делал он это с уверенностью, что писателя следует расценивать не с того, *где* он пишет, а с того, *что* он пишет. Он верил в научную истину, социальную справедливость, человеческую любовь, солидарность и этичность. Под научной истиной он понимал разумную и практически доказанную веру. Справедливость он отождествлял с психологической совестью человека. Любовь к человеку означала для него уважение к ближнему. Солидарность он понимал не в узком, а в самом широком смысле слова. Этичность он совмещал с нравственной чистоплотностью каждой отдельной линчости, независимо от её веры и социального положения. Но самое важное значение этих принципов он видел в их воплощении в личной, семейной, общественной и интернациональной жизни как отдельных людей, так и целых народов.

В этом отношении небезинтересно отметить здесь взгляды Рубакина на учение анархизма. В мае 1928 г. он поместил в аргентинском органе "Голос Труда" статью под названием "Как я понимаю анархизм," из которой я приведу несколько важных выдержек.

"Истинный анархизм отвергает всякую партийную или классовую идеологию. Сила анархизма заключается в свободном сочетании взглядов, чувств и стремлений независимых и самостоятельно мыслящих людей, стремящихся к установлению справедливой социальной жизни. Человеческая совесть, как независимый фактор, в своем проявлении не считается с групповыми, классовыми и государственными преградами. Совесть — сила психическая, она антиавторитарна, т. е. анархична.

"Быть анархистом значит, прежде всего, быть человеком в лучшем смысле этого слова — морально воспитанным, духовно развитым и идейно преданным. Но есть ли много анархистов, поднявшихся до высших гуманитарных идеалов разумного человечества и могущих стать показательными или достойными примерами для других людей? Я, по крайней мере, знаю только двух истинных анархистов: П. Кропоткина и Л. Толстого. Эти имена — имена двух великих людей, символизирующих человеческую совесть и могущих быть наилучшим примером для всех искренних людей. Я знаю, что их темпераменты, идеи и стремления разнятся, но в общем они хорошие доказательства того, чем должны стать все люди.

"Я думаю, что истинные анархисты не должны отмежеваться в своей деятельности от инакомыслящих. Они должны широко распространять свои идеи среди всех социальных групп, классов и народов, сея повсюду семена истинного анархического учениям вербуя сторонников среди всех недовольных и угнетенных людей. Лишь тогда анархизм принесет больше пользы, чем все, основанные на классовой борьбе и диктатуре, партийные программы социалистов и коммунистов.

"Анархизм в отличие от социализма и коммунизма, основанных на классовой и партийной идеологии и стремящихся к победе одного класса над другим, есть общечеловеческий идеал. Мы знаем, что по сравнению с другими общественными классами анархисты составляют меньшинство. Но они должны стать **самым сильным меньшинством** (курсив Н. Рубакина). Они должны распространять анархические идеи среди всех людей, без различия их национальности, веры и социального положения. Они должны стать выразителями и защитниками общечеловеческой совести. В этом и будет заключаться реальная сила анархизма."

Так понимал и защищал анархизм Н. Рубакин — один из замечательных апостолов правды, свободы и справедливости. Со времени его смерти прошло десять лет, но его творчество остается бессмертным и его славное имя не изгладится из памяти его многочисленных почитателей в России и в других странах мира.

Л. Липоткин

КООПЕРАТИВНЫЙ ИДЕАЛ

Кооперативный идеал отрицает какую бы то ни было власть человека над человеком, власть большинства над меньшинством совершенно так же, как и власть меньшинства над большинством.

Кооперация вполне свободна. Кооператив никого не принуждает вступать в члены кооператива и никого не задерживает в своей среде. Всякий столь же свободно входит в кооператив, как и уходит из него.

В кооперативе нет принудительной власти. Правление, избранное членами, отнюдь не является такой властью, ибо каждый может избавиться от подчинения данному правлению, выйдя из кооператива. Весь строй кооператива в каждый данный момент определяется договором участвующих в нем лиц и может быть во всякий момент изменен в желательном смысле. В кооперативе осуществляется — в принципе — самый высокий идеал человечества.

Проф. Туган-Барановский

СИМОН РАДОВИЦКИЙ

Прошел уже год, как в Мексике умер Симон Радовицкий, один из самых честных и отважных борцов, которых родила русская земля, хотя мало русских слышали о нем, а еще меньше знали об его деятельности. Симон Радовицкий боролся в России с самодержавием, в Аргентине и Уругвае он принимал горячее участие в социальной борьбе, а в Испании, с винтовкой в руках, три года боролся против испанских, итальянских и немецких фашистов. Он не писал и не выступал на митингах, но зато принимал живое участие во многих событиях.

Родился Симон в деревне Степанцы, недалеко от Киева. В поисках заработка семья Радовицких переселилась в Екатеринослав. Там отец отправил маленького Симона в мастерскую, где он начал учиться слесарному ремеслу. Будучи любопытным мальчиком, Симон прислушивался к дискуссиям рабочих, а через несколько лет присоединился к подпольной революционной деятельности.

Во время русско-японской войны рабочие Екатеринослава объявили забастовку. Они протестовали против арестов и собрались на городской площади, чтобы выслушать нескольких ораторов и мирно заявить свои недовольства. Власти послали казаков на площадь с приказом стрелять в толпу. Казаки стреляли. Одна из пуль пересекла грудь Симону Радовицкому, которому тогда не было еще полных 14 лет. Сначала Симон не знал, что случилось, удалившись с площади. Друзья взяли его к врачу, другу рабочих. Скоро Симон вылечился, но стал врагом царизма.

В начале 1905 года в Екатеринославе солдаты, носившие специальные нашивки, часто придирались к рабочим. Однажды вечером хорошо подвыпивший солдат, проходя по улице, начал придираться к спокойно разговаривавшей группе рабочих, в которой находился и Симон Радовицкий. Последний, никому ничего не говоря, стукнул грозильщика, отнял у него револьвер и саблю, отнес их на фабрику и отдал рабочему комитету. Дело выяснилось. Симон был арестован и брошен в тюрьму, где он познакомился с молодым анархистом Федором Зубровым. Оказалось, что оба они работали на одной и той же фабрике. Рассказы Зуброва и его поведение произвели на Симона глубокое впечатление. Этого человека он всю жизнь вспоминал и с тех пор Симон стал революционером и анархистом.

Выйдя из тюрьмы, как малолетний, Симон распространял революционную литературу, принимал участие в забастовках и демонстрациях и опять был арестован. Но до суда удалось выбрать его из тюрьмы. Рабочий комитет завода посоветовал ему уехать за границу. Родители тоже хотели, чтобы он уехал. Члены комитета раздобыли для него фальшивый паспорт, и Симон отправился в Ригу. Там он сел на первый уходивший в Америку пароход и так в 1907 году попал в Аргентину.

Здесь, в новой стране, без языка и без друзей было трудновато. В поисках заработка Симон побывал почти во всех важнейших городах Аргентины, затем вернулся в Буэнос Айрес, где ему скоро удалось найти работу слесаря. На фабрике у него завелись связи и нашлись друзья. Он объяснял аргентинцам, что происходило в России и что думали и делали екатеринославские рабочие. Таким образом Симон вошел в аргентинское рабочее движение.

В 1909 г. аргентинские рабочие решили отпраздновать 1 мая и вспомнить чикагских мучеников. Из предместий столицы они решили организованно пройти в центр города, выслушать ораторов и спокойно разойтись. Но полковник Рамон Фалкон, начальник полиции Буэнос Айреса, решил запретить первомайскую манифестацию. Утром 1 мая социалисты-марксисты собрались на площади Конституции, а социалисты-свободники — на площади Лорея.

Полковник Фалкон, подъехав к площади Лорея и увидев посередине улицы идущую рабочую демонстрацию с красными флагами впереди, приказал арестовать одного видного анархиста, идущего в первых рядах. Полицейские подошли к нему и сказали, что он арестован. Демностранты окружили полицию и не разрешили взять арестованного. Тогда Фалкон подвел отряд полиции и приказал стрелять в толпу. В результате было убито 8 рабочих и свыше 40 тяжело ранено.

1 мая Симон Радовицкий был на площади Лорея и был свидетелем происходившего. 3 мая аргентинцы хоронили первомайские жертвы. Полиция не препятствовала, т. к. власти испугались. Во всей стране была объявлена забастовка. Многие думали,

что высшие власти снимут с поста начальника полиции Фалкона, но последний продолжал командовать полицией и начал подготовлять проекты законов против профессиональных союзов и рабочей печати, став влиятельным советником министра внутренних дел.

Симон Радовицкий, видя, что никто ничего не делает, решил действовать. Ни с кем не советуясь и никому ничего не говоря о своих планах, он подготовлялся поговорить с Фалконом тем же языком, которым полковник говорил с рабочими 1 мая. На заводе он сконструировал сильную бомбу, купил револьвер и стал следить, когда и по каким улицам проезжал полк. Фалкон.

12 ноября 1909 г. вечерние газеты Буэнос Айреса оповестили, что умер начальник центральной тюрьмы, близкий друг Фалкона. На следующий день стало известно, что похороны состоятся 14 ноября и представители власти примут участие в похоронах. Симон думал, что Фалкон тоже поедет на похороны, и решил действовать. Он установил, что Фалкон приехал на похороны в своем фаэтоне. Вложив в карман револьвер, он взял сделанную им бомбу, завернув ее в газету, и пошел ожидать возвращения начальника полиции, избрав улицу, по которой, как думал Радовицкий, поедет полк. Фалкон. Симон не ошибся: ровно в 12 часов дня показался фаэтон. Как только он приблизился к углу улицы, Радовицкий бросил бомбу. Фалкон и обе лошади были убиты на месте, а через несколько часов умер и Алберт Лартигау, адъютант начальника полиции.

Убедившись, что дело сделано, Симон Радовицкий хотел было удалиться, но заметил, что полиция несется за ним. Он вынул из кармана револьвер и решил застрелиться. Но так как он был левшой и торопился, то, приложил дуло револьвера к груди и выстрелил. Пуля прошла через грудь, но сердца не повредила. Радовицкому в то время было 18 лет.

На суде требовали смертной казни, но Симона Радовицкого приговорили на вечную каторгу и сослали на Огненную Землю, где летом слишком жарко, а зимой необычайно холодно. Там в тюрьме на острове Огненной Земли Симон провел 21 год. После долгих требований аргентинского и международного рабочего движения Симон вышел на волю в 1930 г. и сейчас же был выслан в Уругвай.

Когда в 1936 г. в Испании началась революция, Симон поехал в эту страну, стал милиционером и боролся на фронте. Когда заболел, был отправлен в тыл. Работал все время при ЦК Национальной Федерации Труда (СНТ). А когда в 1940 г. стало очевидным, что война против фашистов в Испании проиграна, Симон вместе с другими товарищами попал во Францию, а в 1941 году переехал в Мексику, где и умер 5-го марта 1956 г.

Всю свою жизнь Симон Радовицкий был человеком действия, искренним революционером. Если он был убежден, что нужно что-то сделать, он не посылал других в опасные места, а шел сам. Симон был анархистом, верил в организованную силу рабочих и всегда был сам в первых рядах. Имел он доброе сердце, был отзывчивым, помогал товарищам в нужде. Был честным человеком.

С. Мартин

ПАМЯТИ Ф. СЕРОДОЕНКОВА

Рано утром 2 августа 1956 г., в Джан Гопкинс госпитале после недолгой, но тяжкой болезни скончался активный и преданный член освободительного рабочего движения — Филип Серодоенков.

Смерть безжалостно сразила еще одного из лучших борцов безвластного движения. Автору этих строк выпало на долю не только совместно с ним работать долгие годы в одних и тех же организациях, но и присутствовать при его последней борьбе со смертью. Я не покинул его даже после того, когда его жене было сказано, что ее присутствие не может облегчить его страдания и что скоро наступит агония. Я провел с ним эти последние минуты, а затем я проводил моего друга и товарища до места вечного упокоения, до самой его могилы. Но, вопреки фактам, мне все еще не верится, что он, действительно ,ушел от нас навсегда, что прекратились наши встречи и оборвалась наша совместная работа.

Покойный т. Серодоенков неустанно боролся за свои политические убеждения и за идеалы свободного общества. Временные поражения и неудачи не очень его огорчали, ибо он умел извлекать из них полезные уроки и вооружался для дальнейшей борьбы.

Молодые свои годы Филип провел в Мак-Израк, Пенн., где он принимал активное участие в организации Союзов Русских Ра-

бочих. После пальмеровских погромов в 1919 году он переехал в Балтимору и здесь вступил в Союз Русских Рабочих, помещавшийся на Истерн Авеню и Бродвей, и немедленно погрузился в напряженную работу по организации и развитию новых союзов. Тогда в Балтиморе и его окрестностях было четыре СРР с членским составом более семисот человек. До последнего дня своей жизни Филип остался верен своим убеждениям и всегда служил безвластному движению и занимал ответственные посты в различных организациях. Со смертью Серодоенкова наше безвластническое движение понесло тяжкую утрату.

Редеют наши ряды, уходят на вечный покой наши лучшие, преданные делу, работники. Но память о них не умрет, пока живы будут борцы за лучшую долю человечества.

Мы будет вспоминать и тебя, Филип! Со своей стороны ты сделал все, что мог, дабы приблизить день светлой свободы и братства народов. В сознании честно пройденного жизненного пути ты закрыл утомленные глаза, но зерна, тобою посеянные, взойдут! Мы будем продолжать твою работу.

Мир праху твоему, Филип.

Балтимор, Мд. **П. С. Ж.**

БИБЛИОГРАФИЯ

КРОПОТКИН О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

В аргентинском издательстве "Сеятель" недавно вышла замечательная книга П. Кропоткина: "Идеалы и действительность в русской литературе." (Первое издание этой книги вышло на английском языке, второе и третье издания — на русском языке). Составленная из серии лекций, прочитанных Кропоткиным в марте 1901 года в Бостоне во время своей второй лекционной пездки в Америку, она является ценным вкладом в общую историю русской литературы 19-го столетия. Как правильно отмечается в предисловии к книге, ни в какой иной стране литература не оказала такого огромного воспитательного влияния на духовное развитие молодого поколения, как в России. Объясняется это, помимо других причин, тем обстоятельством, что в царской России не было возможности свободно трактовать социальные и политические вопросы в журналистике и последние, естественно, получили свое отражение в художественной литературе — в романах, повестях и рассказах целого ряда талантливых писателей. Перед читателем проходит славная плеяда романистов, сатириков, драматургов и поэтов — от Пушкина и Лермонтова до Горького и Чехова, — изображающих в своих произведениях недостатки и язвы старой русской жизни: крепостничество, невежество, взяточничество, нищету, преступность и т. п. Кропоткин превосходно, хотя и кратко, передает содержание многих произведений, подчеркивая при этом места, занимаемые их авторами в изящной литературе. Перед читательским взором возникают различные литературные типы не только забитых бродяг, нищих и преступников, но и отважных героев, идеалистов и борцов за лучшую и свободную жизнь.

Преобладающим течением в русской литературе 19-го столетия является реализм, верно изображающий как окружащую природу и отдельных людей, так и жизнь, идеи и чаяния трудового народа. Во второй половине этого столетия важное место в литературе занимают писатели-народники. В своих произведениях они, без всяких прикрас и преувеличений, изображают многие положительные и отрицательные стороны жизни бедного народа — крестьян и рабочих — жертв несправедливого социального строя. Реалистические типы и герои часто вызывали сочувствие и любовь к себе со стороны прогрессивной части образованного общества. В эпоху 60-70 годов в России наблюдалось широкое социальное движение — так называемое "хождение внарод," поставившее своей целью просвещать и учить народ грамоте и знаниям. Это движение началось вскоре после освобождения крестьян от крепостной зависимости и продолжалось несколько десятилетий. Оно породило в литературе своеобразное течение русской общественной мысли — нигилизм, нашедший свое

* П. Кропоткин: "Идеалы и действительность в русской литературе." 324 стр. Издательство "Сеятель." Буэнос Айрес. 1955.

яркое выражение в особености в повестях и романах Тургенева "Отцы и дети," "Новь," "Рудин" и др. Нигилизм, как духовное и моральное движение, проповедовал идеи свободы и равенства и выступал против всяких предрассудков и традиций во имя новой, разумной жизни. Такими идеями проникнуты произведения многих писателей-народников.

В высшей степени интересна характеристика представителей политической литературы, описанная Кропоткиным в кратких чертах. Ее лучшими выразителями были Герцен, Бакунин, Лавров, Кравчинский и Чернышевский, к именам которых можно с полным основанием прибавить и автора книги, как писателя и борца за высшие идеалы трудового народа. Начало этой литературы относится к первой четверти 19 столетия, к периоду декабристов. Но свое определенное развитие она получила лишь во второй половине этого столетия, Ее герои проникнуты вдохновением и стремлением к идеалам свободы, равенства и социальной справедливости. Одним из наиболее популярных произведений этой литературы является роман Чернышевского "Что делать?" в котором в полубеллетристической форме излагаются многие, в то время новые, идеи социалистической и коммунальной жизни.

Важной областью литературного творчества является художественная критика. Ее выразителями были Белинский, Добролюбов, Писарев, Михайловский и др., исследующие вопросы: является ли данный тип в произведении выдуманным или действительным? Какое положение он занимает в обществе? Какие идеи и цели его вдохновляют? В зависимости от решения таких вопросов определяется отношение критика к данному произведению. Литературная критика, являясь одной из движущих сил идейного и культурного развития общества, оказала большое влияние на идеологическую формировку многих писателей-народников. Почти вся русская литература прошлого столетия несет на себе ясную печать идейных переживаний, борьбы и стремлений к лучшей жизни и ее идейно-воспитательное значение не подлежит сомнению.

В связи с литературной критикой важное значение приобретает выяснение вопроса об искусстве. В этом отношении небольшое произведение Л. Толстого "Что такое искусство?" является, по мнению Кропоткина, ярким опровержением теории "искусства для искусства" и убедительным доказательством того, что искусство должно служить высшим, гуманитарным идеалам человеческого общества. В ранний период своей писательской деятельности "великий писатель земли русской" не высказывал своих определенных взглядов на литературное искусство и было трудно установить его отношение к этому вопросу. Но после появления его произведения "Что такое искусство?" стало ясно, что Толстой, как противник декадентского направления литературы, является ярым защитником положения, что искусство имеет право на существование лишь тогда, когда оно служит гуманитарным идеалам трудового народа.

Кропоткин также указывает и на те важные особенности литературного творчества Толстого, которые отличают его от других писателей. Во многих своих произведениях Толстой выступает страстным обличителем неправды и несправедливости в окружающей социальной жизни. Его духовные муки и нравственные страдания не могли примириться с противоречиями и ложью нашего цивилизованного общества. Он мучительно искал новых нравственных путей жизни. Его анархическое отрицание государства, законов и насилия привело его к признанию любви и естественного братства всех людей и народов. Он отрекся от буржуазного мира и его ложной морали, начал раздавать свое имущество, вести простую трудовую жизнь и писать статьи и книги для простого народа.

Данный Кропоткиным обзор русской литературы 19-го века изображен популярно и читается с большим интересом. Его объективный анализ многих произведений вообще и глубокое понимание литературного искусства в особенности делают книгу "Идеалы и действительность в русской литературе" очень важным произведением, заслуживающим внимания каждого русского читателя, интересующегося историей родной литературы.

Л. Липоткин

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ!

Письмо из Детройта

Уважаемые товарищи! Посылаем вам 101 д. 50 с., из коих за книги и журнал 33 д. и в фонд "ДТП" — 68 д. 50 с. Жертвовали: М. Волынский — 20 д., И. Черный — 10 д., С. Евдостев — 10 д., К. Полейко — 10 д., Т. Шумович — 10 д., Яков Ткачук — 3.50, Ал. Бечанко — 3 д., К. Крутель — 1 д. и Иван Сивко — 1 д.

Нас часто спрашивают, что мы скажем о "ди-пи," т. е. каково наше мнение о новой эмиграции. Мы отвечаем словами А. А. Карелина, который 40 лет тому назад писал о старой русской колонии в Америке:

"Оставим в стороне небольшую группу интеллигентов и полуинтеллигентов, и мы встретимся здесь, в Америке, с рабочими, бывшими в России крестьянами, а также с фабрично-заводскими рабочими. Большая часть рабочих выходцев из России держится в последние годы в стороне от политических партий и в стороне от анархического движения. Но во всяком случае, здесь немало рабочих, числящихся в политических партиях и заметны анархиствующие рабочие, выделяющие из своих рядов сравнительно немногих сознательных анархистов.

"Стараясь разрешить вопрос, почему значительная часть рабочих далеко от нашего учения, приходится указать на полное отсутствие пропаганды в широких рабочих массах, на отсутствие знающих пропагандистов, а затем и на то, что рабочие вовсе не ищут случая познакомиться с нашим учением.

"Последнее происходит оттого, что большинство этих рабочих нашли здесь такой заработок, который сравнительно с русским заработком казался им очень высоким. Их жены и невесты, жадно набросившиеся на наряды, опять таки приковали внимание этих рабочих к заработку. Они набросились на все приманки больших городов, жадно пользуясь его развлечениями. Высшие же потребности, потребности в образовании, в серьезных знаниях, в стремлении к лучшему общественному строю пока еще спят в них..."

Вот это все, что мы можем сказать о "ди-пи."

Профсоюз г. Детройта

Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет, по нашему мнению, организоваться на началах анархического коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм—к анархизму, причем и тот, и другой представляют собою не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах — стремления к равенству.

П. КРОПОТКИН

Международный Анархический Центр

Недавно в Лондоне организовался Международный Анархический Центр, в задачи которого, однако, входят чисто координационные функции, а не централизация. Своей ближайшей целью Центр ставит:

1) Установление международной связи со всеми анархическими организациями, группами, печатными органами и отдельными личностями, живущими и действующими независимо от организаций.

2) Сообщение сведений о деятельности, положении и результатах работы анархического движения; суммирование этих сведений и распространение их среди анархических печатних органов.

3) Поощрение создания подобных Центров в других странах на принципах федерирования, т. е. вхождение в контакт помимо лондонского Центра.

4) Стремление выдвигать на первый план то, что объединяет анархистов, а не то, что разъединяет.

Центр обращается с просьбой ко всем анархическим объединениям и отдельным личностям — вступить с ним в контакт. Писать можно на разных языках, но предпочтительнее, конечно, по-английски. Адрес Центра:

INTERNATIONAL ANARCHIST CENTER
(Можно писать сокращенно—IAC)
c/o Freedom Press
27 Red Lion Street
London, W. C. 1, England

НУЖНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

Товарищи! От читателей журнала "Дело Труда-Пробуждение" поступают заказы на следующие книги:

1-ый том "Записки" Нестора Махно.

5 томов "Собрание Сочинений Бакунина."

"Предтечи Социализма" В. Черкезова.

"История Махновского Движения" и "Два Побега" Аршинова.

Редакционная Коллегия просит товарищей переслать эти книги по адресу журнала "ДТП."

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ВЕСТ САКРАМЕНТО, Калиф. — Глубокоуважаемые Сотрудники Света и Истины! Читаю журнал "Дело Труда-Пробуждение" с захватывающим интересом. Является искреннее желание, чтобы мир воскрес от непробудного сна и начал бы жить согласно здравому разуму и чистой совести, делая другим то, что себе желаешь.

Мракобесы всех мастей и ярлыков прилагают все свои силы, дабы удержаться на степени "спасителей" и вести жизнь в удовольствии а народ страшают загробным адом.

Прилагаю чек на 5 долл. Желал бы послать больше, но мои доходы слишком скромны. Шлю сердечний привет всем сотрудникам и желаю вам всех благ и радостей в жизни. Искренне уважающий вас, **Семен Ф. Рыбин**

МАЙНОТ, Н. Дакота.—"Дело Труда-Пробуждение." Прилагаю 2 доллара в счет подписки на журнал. Нужно подумать, что победа без самого главного и существенного не принесет избавления для трудящихся, если в основу ее не будет положено братство и любовь.

Помните, у декабристов было Завещание:

"Когда же в час победы светлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнет в сердце, завещаем
Одну Любовь.
Пускай тогда меж вами, братья,
Не будет нищих, богачей,
Ни вечно загнанных страдальцев,
Ни палачей...
Пусть край родной не оглашают
Ни стон страдающих людей,
Ни свист бича, ни звон оружий,
Ни звук цепей..."

При некоторых "победах" товарищи товарищей вчерашних режут, расстреливают или вешают. Лучше было бы, чтобы такая "победа" не достигалась... **А. Дубовой**

СОУЛТ СТЕ МЭРИ, Канада.—Дорогие сотрудники "ДТП," нашел возможным уделить скромную лепту из своей скудной правительственной пенсии на дело просвещения трудящихся, которым вы заняты. Прилагаю 10 д.: 5 д. на подписку и 5 д. в фонд. Мой скромный подарок журналу означает мое 75-летие, которое праздную 15 января с. г. Проработал я на одном месте 39 лет, но не смог себя обеспечить материально. Хорошо, что имею хороших детей, получивших хорошее образование, зарабатывающих сносно и оказывающих мне с женой поддержку. Рад и доволен тем, что до первой войны уехал в Канаду из России, где и до сих пор продолжают бушевать разрушительные силы властолюбия, агрессии, зла и насилия. Привет вам, **И. Бондарь**

МОНТРЕАЛ, Канада. — 3 экз. № 52 журнала получил. Спасибо. Я знаю, что наш журнал страдает не только финансово, но и от того, что у нас нет достаточно интеллектуальных сил. Я думаю, что эту сторону вопроса могли бы покрыть те из наших товарищей, которые когда-то были активными и писали в анархическую прессу. Теперь они ограничиваются лишь чтением журнала, ведут мещанский образ жизни и говорят: "моя хата с краю, я ничего не знаю." Эту косность и безразличие нужно преодолеть. Я думаю, что самый лучший способ преодоления чувства прозябания состоит в созыве интернациональной конференции, на которой можно было бы выработать программу дальнейшей работы. В таком случае можно было бы издавать объединенными силами один анархический солидный орган на английском языке. О выборе времени и места созыва конференции следует предоставить издательской комиссии. **Г. Резанович**

ТОРОНТО, Канада. — Посылаю вам почтовый перевод на 7 д.: 2 д. в счет подписки и 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП." **Н. Шабан**

ПИКЕРИНГ, Канада. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 2 д. на подписку и 3 д. в фонд журнала "ДТП." Привет вам и лучшие пожелания. **К. Шумович**

ВЕСТ ХЕЙВЕН, Конн. — Уважаемые труженики, посылаю вам 10 д.: 3 д. на подписку и 7 д. в фонд журнала. Желаю вам здоровья и успеха в нашем общем деле. **А. Рапецкий**

МАЙАМИ, Флорида. — Дорогие товарищи, посылаю 5 д. на журнал и желаю успеха в вашей работе. **Миша**

ВИННИПЕГ, Канада. — При сем прилагаю почтовый перевод на 3 д. 50 с. на журнал "ДТП." С приветом, **И. Довгалюк**

ЧИКАГО, Иллиной. — Дорогие друзья, из своих скудных средств посылаю новогодний подарок журналу в 10 дол. **И. Ковалев**

ТОРОНТО, Канада. — Уважаемые друзья, в ответ на ваше письмо скажу, что ожидал получить № 52 журнала. Посылаю вам 5 д. и надеюсь получить наш журнал поскорее. **П. Гронский**

АКРОН, Охайо. — При сем прилагаю 7.50 за проданные номера журнала и 3 д. в издательский фонд "ДТП." **И. Б.**

ГОЛТ, Канада. — Дорогие товарищи делотрудовцы, прилагаю почтовый перевод на 10 д. в фонд журнала, как новогоднее пожертвование, и желаю вам успеха в нынешний критический момент. Ибо теперь, как никогда раньше, грозовые тучи нависли над всем миром. Политические устои разлагаются везде. Сеятель истины необходим, как необходимы питание, воздух и вода для человека. **Т. Макаревский**

МЕДИСОН, Иллиной. — Посылаемые вам 5 д. мой новогодний подарок журналу "ДТП." С почтением, **С. Тюшкевич**

ЛОС АНЖЕЛЕС, Калифорния. — Состоявшийся здесь интернациональный вечер в пользу рабочей прессы прошел весьма успешно. Интересующихся либертарным движением собралось много, атмосфера была дружеская, товарищеская. После проведения программы вечера был сделан сбор

для поддержки интернациональной рабочей печати, выразившийся в 200 д. Деньги распределены следующим образом: 75 д на итальянскую газету "Ладуната," 75 послано в Лондон на "Фридом" и 50 д. на журнал "Дело Труда-Пробуждение."

Следует отметить, что еще не все люди доросли до уровня интернациональной солидарности, до сознания того, что проповедь идей анархизма равноценна на всех языках. Товарищи каждой национальной группы сознают, что устройство интернациональных вечеров в пользу рабочей прессы содействует сближению существующих национальных группировок. Будем надеяться, что вечера будут устраиваться почаще. **А. Локшин**

Поступили в Редакцию

Книга 47-ая "НОВОГО ЖУРНАЛА" под редакцией проф. М. М. КАРПОВИЧА. Цена книги 2 д. Адрес журнала:

223 W. 105 St., New York 25. N. Y.

Проф. В. Ф. ТОТОМИАНЦ — "Из Истории Русской Экономической Мысли." Издание Института по изучению СССР. Серия II. № 48. Мюнхен. 1956.

Проф. П. Л. КОВАНЬКОВСКИЙ — "Бюджет СССР" (Историко-критический обзор). Издание Института по изучению СССР. Серия I. № 33. Мюнхен. 1956.

V. VARLAMOV — Bakunin and the Russian Jacobins and Blanquists as Evaluated by Soviet Historiography. Translated by Mrs. Lois Weinert. Mimeographed Series No. 79. Research Program on the USSR, 401 W. 118 St., New York 27, N. Y. 55 pp. $0.75.

С. ГОЛУБНИЧИЙ — К вопросу возникновения зерновых кризисов в СССР. Серия II. № 52. Издание Института по изучению СССР.

ВЕСТНИК Института по изучению СССР. № 4 (21) Октябрь-Декабрь. Мюнхен. 1956.

Проф. И. НИКОДИМОВ — О политехническом образовании в СССР. Серия II. № 54. Мюнхен. 1957. Издание Института по изучению СССР.

Готовится к печати

УЧЕБНИК КООПЕРАЦИИ,

который заканчивает крупнейший международный специалист по кооперации, проф. Вахан ТОТОМИАНЦ.

Книга касается следующих вопросов: история кооперации, экономические и моральные предпосылки кооперации, кредитная кооперация, потребительская кооперация, производительная кооперация в деревне и в городе, отношение к государству и взаимоотношения различных форм кооперации, примеры блестящей кооперативной деятельности, будущее кооперации.

Желающих приобрести учебник по кооперации просят об этом сообщить по следующему адресу:

Professor Vahan Totomianz
Comite Russe de Secours 7, Villa Longueville
(141bis, Rue Reymond Losserand), Paris 14e, France

Помощь журналу

ЛОС АНЖЕЛЕС: С. Локшин — 24 д., А. Рогат — 50 д., М. Т. Зар-цев — 2 д. АЛБИОН, Мичиган: И. Королюк — 5 д. НЬЮАРК, Нью Джерзи: В. С. — 10 д. АКРОН, Охайо: А. Темчук — 2 д. С-ЛУИС: М. Х. — 10 д., В. Шурхай — 10 д. М. Радивончик, А. Мошков и И. Масловский — по 2 д. НЬЮ БРОНЗВИК, Н. Дж.: Т. Юзенко — 5 д. НЬЮ ИОРК: Трулевич — 1 д., Гершенфельд — 2 д., Богин — 5 д., Иван Данилюк — 10 д., И. П. — 25 д., А. Канадюк — 5 д., И. Аронстам — 10 дол., Исаак Шор — 10 д. ЧЕСТЕР, Пенн.: Д. Веремейчук — 1 д. БРУКЛИН, Н. И.: Н. Мат-чук — 1.50. МОНТРЕАЛ: Резанович — 3 д. ТОРОНТО: Г. Дем-ко — 3 д., Д. Намар — 5 д., Казов — 1 д. АКРОН, Мичиган: П. Бирюков — 5 д. КОЛЕН, Мэрилэнд: Ф. Кунавич — 8 д. БРИДЖПОРТ, Конн.: И. Ке-дель — 2 д. ЧИКАГО: Ольга Максимова — 5 д., М. Тараненкова — 5 д., И. Волков — 12.25, В. Пономарев — 1 д., Н. Гвай — 20 д. НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн.: П. Б. — 10 д., К. Д. — 5 д., Яруб — 7.50, Я. Л. — 2 д., Т. Я. — 2 д., И. Ж. — 1.50 ВИНДСОР, Канада: А. Кравчук—5 д. САУТ ДАКОТА: Русец—5 д. ЛОС АНЖЕЛЕС, Кал., Атрик — 15 д. АЛЯСКА: Балов — 1 д.

Искренняя глубокая благодарность всем жертвователям. Секретарь **И. Д.**

Финансовый Отчет

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"

от 1 декабря 1956 г. по 1-го мая 1957 г.

ПРИХОД

Поступило в фонд издания № 53 "ДТП"	$474.00
Поступило за проданные номера	18.25
Поступило за проданные книги	33.00
Итого	$525.25

РАСХОД

Издание и экспедиция	$323.00
Уплочено за помещение за 4 месяца	40.00
Уплочено за почтовый ящик за 6 месяцев	12.00
Дефицит по изданию 52-го номера	93.80
Итого	$468.80
Остается на 1-ое мая	56.45

Принимаются Заказы

на новую книгу, явившуюся политической сенсацией в Советском Союзе: Р. Дудинцев "НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ." Роман. Издательство "Свобода."

Цена в Германии — 4 марки; в США — 2 дол.; во Франции — 500 франков.

Роман издается в первоначальной редакции; по поступившим сведениям, в СССР роман для отдельного издания уже "перерабатывается."

Адрес издательства:

ZOPE
München 2, Gaiglstr. 25, Deutschland